
Н. В. ПОНЫРКО

Димитрий Ростовский как автор «Розыска о раскольнической брынской вере»

Противостарообрядческое сочинение Димитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере» в свое время снискало своему автору звание «искоренителя раскола». Такой тезис можно было бы всецело оставить в прошлом, если бы и по сей день в службе на день памяти «святителя Димитрия, митрополита Ростовского»¹ он не именовался «православия ревнителем и раскола искоренителем»: «Православия ревнителю и раскола искоренителю, российский целебниче и новый к Богу молитвенниче, списанными твоими буйх уцеломудрил еси; цевнице духовная, Димитрие блаженне, моли Христа Бога спастися душам нашим» (тропарь 8 гласа; здесь и далее курсив мой. — Н. П.).²

¹ Как известно, Димитрий Ростовский (1651—1709) является первым святым, канонизированным в синодальный период существования Русской церкви. Процессу его канонизации много способствовала императрица Елизавета Петровна. В 1752 г. состоялось открытие мощей Димитрия, в 1757 г. он был официально причтен к лику святых; в это время были установлены дни памяти официально прославленного святого: 21 сентября — на обретение мощей и 28 октября — на преставление (см.: Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 170—174, 306—307, 475—484). Направленное против старообрядчества сочинение Димитрия Ростовского («Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их, и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их небогоугодна») создавалось в последний год жизни ростовского митрополита, в период пребывания его на Ростовской митрополии (1702—1709). При жизни автора оно не было напечатано; первое издание вышло в свет в 1745 г. Затем последовали второе (М., 1755), третье (М., 1762), четвертое (Киев, 1776) и пятое (М., 1783) издания. До начала XX в. в Москве и Киеве было выпущено еще восемь изданий (М., 1803, 1824, 1847, 1855; Киев, 1859, 1866, 1877, 1903).

² Цитирую по так называемым «Зеленым минеям», выпущенным в свет Русской православной Церковью в течение предпоследнего десятилетия XX в. (М., 1978—1989, переизд.: М., 2002—2003). Приведу здесь и другие фрагменты Службы, где Димитрий прославляется как обличитель старообрядцев: «Похвалами ублажим святителя Димитрия <...> иже ревностию по Господе Бозе Вседержителе поощряем, непрестанно обличал возмущающих тишину и православие Христовы Церкви...» (славник на «Господи, воззвах»); «Отче Димитрие, мечу на еретическую обоюдоустрий...» (стихера на литии); «Богодуховенный органе Всесвятого Духа, обличителю суемудренных расколов...» (стихера на стиховне); «Зловредное мудрование раскольников испроверг еси, святе Димитрие...» (тропарь 8 песни канона) (см.: Минея на октябрь. М., 2002. С. 741—450, служба на 28 октября). «...Аки Илия, вся тайноводительства раскольническая, извед на среду, посрамил еси, оставив нам в познание лжи их обличительное наставление...» (седален по 2 стихологии, гл. 8); «...учеными бо твоими Церковь украсил еси <...> пагубное же раскольническое мудрование посрамил еси...» (стихера по 50 псалме, гл. 6); «...возникший огонь в саможегомых скитах учеными твоими потребил еси...» (тропарь 7 песни канона); «Вся средства, святителю, на взыскание заблуждших употребил еси,

Но коль скоро сегодня, через 300 лет после написания «Розыска», старообрядчество живо, легитимно и пользуется признанием со стороны новообрядческой церкви, значит, «искоренение», о котором поется в службе, не состоялось, и Димитрия следует прославлять не за этот, не увенчавшийся успехом, труд, а за совсем другой, выдающееся значение которого в наши дни очевидно для всех, — за подвижническую деятельность по собиранию православной агиографии, за его Четьи Минеи, равных которым не создано до наших дней. Труд же по «искоренению раскола» не мог увенчаться успехом аргументами, слишком корневой проблемой для России стал совершившийся в XVII в. Раскол, — не только для Русской церкви, но и для всей социальной системы общества: последствия начавшегося тогда разделения нашей культуры, говоря словами В. П. Рябушинского,³ на «культуру барина» и «культуру мужика» мы пожинаем и по сей день.

В то время, когда Димитрий Ростовский взялся за написание своего «Розыска», а это был конец 1708 г., длительность его пребывания в Великороссии исчислялась 8 годами.⁴ Призванный указом Петра I с Украины в Москву и возведенный здесь в архиерейское достоинство «государевым изволением» («Азь, грешный, аще и недостойнъ есмь сего святаго архиерейскаго сана, обаче <...> сподоблен есмь <...> смотрениемъ и строениемъ Божиимъ, грамотою великаго государя призванъ <...> благословениемъ Божиимъ, государевымъ же изволениемъ»),⁵ он взялся за написание антистарообрядческого трактата «по должности», как сам выразился в адресованном «благоразумному читателю» Предисловии к этому сочинению: «Того ради краткую сию книжицу по должности моей написахъ: находящимъ бо волкомъ на стадо, не подобаетъ пастырю сномъ одержиму быти».⁶

Кто же был для Ростовского митрополита той паствой, которую по его понятиям он должен был оберегать от «волков»? Ею был, как не раз формулируется в «Розыске», «препростой народ», тот самый «мужик», духовная жизнь которого делалась все более непонятной российским верхам. «И моему убо смиренію, емуже *препростый народъ* в паству ввѣрися, надлежитъ простыми словесы увѣщание простерти»,⁷ — написано в том же Предисловии. Пастырь вынужден снисходить к пастве и писать умышленно «некрасно»,

разливающийся пламень по скитом водою покаяния погашая...» (тропарь 8 песни канона) (см.: Минея на сентябрь. М., 2003. С. 584—595, служба на 21 сентября). Авторство наиболее ранней Службы Димитрию Ростовскому принадлежит епископу Переяславскому и Дмитровскому Амвросию (Каменскому) (издана в апреле 1758 г. в Московской Синодальной типографии). В конце XVIII в. Г. П. Гагариным была написана еще одна служба Димитрию (издана в 1799 г. в Московской Синодальной типографии) (см.: Федотова М. А. Житие святого Димитрия Ростовского: (К вопросу об истории создания текста) // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 154—155).

³ Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 2010. С. 63, 74.

⁴ В Москву Димитрий Ростовский был вызван в феврале 1701 г., 23 марта того же года он был назначен на кафедру Сибирской митрополии в Тобольск, но так туда и не доехал, а в январе 1702 г. был возведен в сан митрополита Ростовского и Ярославского. Черновая работа над «Розыском» была начата Димитрием в конце 1708 г., а в мае 1709 г. основной вариант «Книжицы о капитонех» был уже закончен (см.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 443, 445).

⁵ Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1745. Л. 203 второго счета.

⁶ Там же. Л. 3 первого счета.

⁷ Там же. Л. 2 об. первого счета.

сниженно по смыслу и стилю, к тем, кому «и простая бесѣда едва внятна бываетъ»,⁸ — таков лейтмотив Предисловия, посвященного извинениям автора перед «просвещенным» читателем за неукрашенный и заведомо упрощенный стиль представляемого сочинения.⁹

«Простой народ», «невежествующие простолюдины»¹⁰ — такими дефинициями по адресу ростовской паствы пестрит «Розыск». Когда же автор подходит вплотную к предмету своих обличений, «раскольщикам», его снобизм делается особенно ощутимым: «...не от *брынскихъ заколодниковъ, простыхъ мужиковъ*, научихомся, но от самого Христа»,¹¹ — так пишет он о себе; а так говорит о них: «...по книгамъ *бродить*, Писания же Святаго тайны столько видить, сколько слѣпый видить лучи солнечныя». ¹² Он абсолютно уверен в том, что «неученому *простолюдину* <...> правымъ путемъ шествовати неудобно, на свой *безкнижный, простоумный* уповающему разумъ <...> оттуду и ереси возрастоша <...> и раздоры, и расколы, яко *невѣжи дерзнуша о вѣрѣ испытovati и учити*». ¹³ Доказывая с помощью силлогизмов тезис о том, что простолюдину неведома вера, так как он не в состоянии объяснить в рамках риторики, что есть вера,¹⁴ Ростовский архиерей приводит свою горячую тираду, из которой ясно видится, сколь велика была пропасть, отделявшая этого церковного первоиерарха от «простых» людей: «Слышимъ бо много въ *препростыхъ людехъ*, яко и нравы и обычаи своя <...> и самая худая дѣла вѣрою нарицають. <...> Вопросы *простолюдина* — для чего въ васъ воруютъ, крадутъ, разбои творять. Отвѣщаетъ: Такова вѣра. Для чего безмѣрно бражничаютъ, упиваются, сквернословятъ, бранятся, дерутся? — Такова вѣра. <...> Для чего въ васъ скверная дѣла дѣлаются, прелюбодѣянныя, любодѣянныя и прочая слуху невмѣстительная скаредства? — Такова вѣра. О, вѣро святая! <...> до каковаго ты у *простыхъ мужиковъ* дошла безчестия!». ¹⁵

Когда мы встречаем на страницах «Розыска» другую тираду Димитрия: «О, крайняго *нашихъ русаковъ* ослѣпления! Лжамъ расколническимъ вѣру емлютъ, аки самой истиннѣ <...>. Нарекоса бо крѣсть истинною жертвою. <...> *Не вѣдаютъ, что брѣдаютъ!*»,¹⁶ на память приходит язвительная запись неизвестного поляка, сделанная в рукописи русского Азбуковника по поводу виршевого предисловия к нему одного из ранних московских стихотворцев Евстратия («Единому Богу в Троице, / славимому в Единице ...»): на полях рукописи польский комментатор, вымарав «змеинные» (серпентикум версус) стихи Евстратия, написал — «Co widzisz, to bridzisz, moskalu, / grubianine, chlori, prostaku». ¹⁷ В начале XVIII в. Димитрий Ростовский использовал ту же поговорку, что и образованный поляк, ознакомившийся с первыми опытами

⁸ Там же. Л. 2 первого счета.

⁹ «Сей мой убогий трудъ аще кому от благоразумныхъ и богомудрыхъ читателей случится чести, молно: да не удивляется здѣ просторѣчию и некрасному сочинению...» (Там же. Л. 2 первого счета).

¹⁰ Ср.: Там же. Л. 1 второго счета.

¹¹ Там же. Л. 5 об. второго счета.

¹² Там же. Л. 5 второго счета.

¹³ Там же. Л. 37—37 об. второго счета.

¹⁴ Там же. Л. 4 и далее второго счета (Часть 1, гл. 4—15).

¹⁵ Там же. Л. 33 второго счета.

¹⁶ Там же. Л. 173 об., 174 об. второго счета.

¹⁷ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 30.

русских силлабистов в Смутное время; и импульс к употреблению этой поговорки по адресу чуждой среды «холопов и простаков» был сходен в обоих случаях: «Что вѣдишь, то брѣдишь, москалю...».

Ни подлинно глубокого проникновения в сущность народной жизни московитов, ни просто достаточного объема знаний по поводу старообрядчества у Ростовского митрополита не было. Он, собственно, и сам признавался в этом: «О прежнихъ временахъ, какъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ водилось, *мы, от Киевскихъ странъ призваннии, не вѣмы*, ниже испытуемъ о вещи, намъ *ненужной*»;¹⁸ «Азь бо, смиренный, не в сихъ странахъ рождень и воспитанъ, *ниже слышахъ когда о расколахъ, въ странѣ сей обрѣтающихся*, ни о лѣсахъ Брынскихъ, ни о скитахъ, ни о разнствии вѣрь ихъ, ни о дѣлѣхъ ихъ, *но уже здѣ, по Божию изволенію и по указу государеву, жити наченъ, увѣдахъ слухомъ от многихъ доношений...*».¹⁹

Информацию о «раскольниках», против которых он направлял свои обличительные стрелы, Димитрию Ростовскому приходилось брать из чужих рук, по большей части даже из вторых. По слухам ростовский первоиерарх писал в своем «Розыске» о том, что «брыняне»²⁰ (читай «старообрядцы») не молятся ни в церкви, ни дома (!), что они не кланяются святым иконам (!): «*Донесено* есть намъ *недавно*, яко нѣцѣи въ епархии нашей мужики и бабы <...> подобныхъ себѣ *учатъ* еже не токмо *не приходити въ церковь на молитву, но уже и въ домѣхъ не молитися съ подобающимъ <...> предъ святыми иконами поклонениемъ* благоговѣнымъ, еже кланятися тѣломъ и главою до земли, но токмо умомъ въ себѣ молитися...».²¹ Он также «слышал», что старообрядцы учат не почитать мощи святых (!): «*Слышахъ бо недавно* о нѣкоемъ лежечителѣ и развратникѣ людей Божиихъ, тайно учащемъ не почитати мощи святыхъ».²² На каждый из указываемых им пунктов автор «Розыска» дает пространное обличение, не понимая, что борется с химерами. Слухи его обманули, ибо, как и свойственно слухам, донесли до него смесь правды и вымысла, ведь тот, кто не молится Богу ни в церкви, ни дома, кто не почитает икон и мощей святых, тот не старообрядец по определению. Но, быть может, люди, которых взялся изобличать пастырь, не молятся только в «никонианских» церквях, или же молва имела в виду вовсе не старообрядцев и их обычаи, а какие-то проявления протестантизм-

¹⁸ Розыск. Л. 203 второго счета (Часть 2, гл. 32 «Аки бы архиереи купуют себѣ санъ святительскій»).

¹⁹ Там же. Л. 14 третьего счета.

²⁰ Выражения «Брынские леса», «брынские скиты» (а вслед за этим — «брынская вера», «брыняне») восходят у Димитрия Ростовского к искаженному названию лесного массива на границе Костромской и Нижегородской областей: Рымские леса. Сопредельные Керженским, леса в Макарьевском уезде Костромской губернии назывались Рымскими по названиям сел Большие и Малые Рымы; в Рымских и Керженских лесах во времена Димитрия Ростовского укрывалось множество старообрядцев, здесь находилось до 80 старообрядческих скитов (см.: *Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество : Лица, предметы, события и символы : Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 58). М. Фасмер выводил (с оговоркой «вероятно») происхождение понятия «брынская вера» (= «одна из раскольничьих сект») «от названия Брынские леса, в Калужской губ., которые были прибежищем этих сектантов» (см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1986. Т. 1. С. 223).

²¹ Розыск. Л. 62—62 об. второго счета.

²² Там же. Л. 80 об.—81 второго счета (Часть 2, гл. 15 «О мощах святых»).

ма в совсем иной среде? Из слухов этого понять нельзя. Как нельзя понять и того, что стоит за слухами о некоем «простом мужике», который будто бы служил у «брынян» литургию, а также о некоей «простой девке», которая будто бы у «раскольников» «объдню нѣкую еретическую тайно совершала».²³ Быть может, в данном случае слухи имели своим источником тот факт, что среди старообрядцев за неимением священников совершались беспоповские молебны, которые в православии не возбраняется возглавлять мирянам, как мужчинам, так и женщинам?

Разделение «раскольщиков» на толки и направления было сделано Димитрием тоже по слухам: «*Слышимъ* бо, яко елико скитовъ в лѣсахъ Брынскихъ обрѣтается, толико и вѣрь <...>. Въ мимошедшемъ 1708 годѣ въ мѣсяцѣ ноেমврии былъ у насъ въ Ростовѣ чернѣйшій попъ Иоасафъ, строитель Спаской Роевской пустыни Балахонскаго уѣзду. Той даде намъ малыя тетрадицы, въ которыхъ написано Слово отвѣтное противу расколщиковъ, а кто Слово тому творецъ, не написано имени. Въ томъ Словѣ скитовъ брынскихъ имена какъ написаны, сице здѣ полагаемъ я <...>: христовщина, или паче рещи антихристовщина, иконоборщина, поповщина, беспоповщина, чувственники, кривотолки, Ануфриевщина, Ефросиновщина, Иосиповщина, Калиновщина, Киприяновщина, Иларионовщина, Серапионовщина, Козминщина, Волосатовщина, Исаковщина, Стефановщина, Аввакумовщина, сожигатели, морелщики, и инии прочии по именамъ учителей своихъ».²⁴ Большая часть такой, сугубо внешней, классификации (чего стоит, к примеру, дефиниция «кривотолки») не проясняет вероисповедной сущности упоминаемых скитов и, очевидно, не ясна самому автору «Розыска». Его знание о старообрядчестве, с которым он взялся бороться в рамках своего трактата, берется даже не из вторых рук, а, можно сказать, из третьих (поп Иоасаф дал ему перечень скитов в «тетрадке»), а самое тетрадку составил некто неизвестный, запутавшийся, как мы понимаем, в своих познаниях о «раскольнических» скитах).²⁵ Проводящий «розыск» прибегает к дополнительным показаниям, часть которых также не имеет ничего общего со старообрядчеством: «Христовщина глаголется сего ради, яко нѣкоего мужика, Христа глаголемаго, имѣють у себе учителя и тому, аки истинному Христу, молятся. Иконоборщина — иже вся святые иконы, и старья, и новья, отметають <...> субботники — иже по-жидовски посятъ субботу».²⁶ В это же время Димитрий просит своего друга и посто-

²³ Там же. Л. 30 второго счета.

²⁴ Там же. Л. 25 об.—26 второго счета (Часть 1, гл. 20 «Имена скитовъ брынскихъ»).

²⁵ Вероятно, автор «тетрадки» под «христовщиной» имел в виду так называемых хлыстов, но секта хлыстов и старообрядчество — это принципиально разные явления; что может обозначать «иконаборщина», совсем неясно. Обращая внимание на существующее внутри старообрядчества разделение на приемлющих и не приемлющих священство («поповщина» и «беспоповщина»), автор «тетрадки» далее перечисляет скиты по именам их основателей (что, вероятно, в основном соответствует действительности), не давая при этом понять, к какому из названных направлений они относятся. О том, кто такие «чувственники» и «кривотолки» и чем они отличаются от уже перечисленных толков, составитель этого перечня, очевидно, тоже не имел представления.

²⁶ Розыск. Л. 26 об.—27 второго счета. Справедливости ради следует сказать, что в собираемой Димитрием информации вперемешку с искаженными имелись и достоверные сведения, как например, в процитированном выше фрагменте о скитах; приведем его здесь полностью, выделяя курсивом материал, соответствующий действительности: «Христовщина глаголется сего ради, яко нѣкоего мужика, Христа глаголемаго, имѣють у себе учителя и тому

янного корреспондента иеромонаха Феолога²⁷ собрать дополнительную информацию о старообрядческих скитах: «Взыскую ведения подлиннаго о скитах и о верах их. Не забуди, возлюбленне, с попом Иваном Максимовым побеседовать и спросить у него о тех скитах, или сколько он может знати по имени их и вѣр».²⁸

Из вторых рук черпал Димитрий и материал для изобличения «злых дел» «раскольщиков», силясь доказать их коварность и преступность. В последней части «Розыска», повествующей «о деяниях раскольнических», он ссылается на сведения, извлеченные им из послания некоего священника Иосифа, прямо цитируя на двух с лишним листах это послание: «От послания Иосифа священника, иже в мимошедшихъ недавно годѣхъ по указу государеву был на Олонецкомъ верву и писалъ к расколническимъ во оной странѣ учителемъ къ Даниилу Викулину да къ Андрею Дионисову и ко всему сонмищу ихъ».²⁹ Поп Иосиф приводит в своем послании «изобличающую» выговских старообрядцев «быличку» о том, как «раскольники» сманивали в свои ряды жителей олонечкой округи, чтобы, затворившись всем вместе в «остроге», устроить там самосожжение. При этом Иосиф ссылается на поведанный ему рассказ некоего Григория, жителя селения Березов Наволок, у которого в доме будто бы останавливались на ночлег прохожие странники, пытавшиеся «совратить в раскол» хозяина дома. Не достигнув в этом успеха, гости ночью, перед своим уходом, подсыпали в стоящую в сенях воду истолченных в муку жженных костей; а домашние Григория «ту воду пили». В скором времени те, кто напился «очарованной» воды, ушли вслед за приходившими к ним старообрядцами и предались вместе с ними самосожжению. «Зрите, окаяннии, — восклицает поп Иосиф (а вместе с ним и единомысленный автор «Розыска»), — зрите прелести ваша кознь: идѣже словеса не можете прелстити, тамо вы, чародѣйствъ употребивше, обаяете и погубяете <...>. Доздѣ послание Иосифово».³⁰

До недавнего времени послужившее на пользу Димитриева «Розыска» послание попа Иосифа считалось неизвестным, однако Е. М. Юхименко уда-

аки истинному Христу молятся. Иконоборщина — иже вся святые иконы, и старыя, и новыя, отметають. Поповщина — иже бѣглыхъ поповѣ приемлют и таинства нѣкая церковная по старымъ книгамъ совершаютъ. Безпоповщина — иже вся таинства весьма отмецють и поповѣ никакихъже приемлютъ. Чувственники — сказують чувственно Антихриста въ мирь уже пришедша, но лица его, кто онъ есть, не изъясляютъ явѣ. Кривотолки — вси скиты ихъ расколническия того суть именования, понеже вси криво толкують Божественное Писание. <...> Ануфриевщина — то же есть, еже и Аввакумовщина, в том бо скитѣ нѣкоего Аввакума протопта учение содержатъ. <...> субботники — иже по-жидовски постятъ субботу».

²⁷ Иеромонах Феолог, постриженник Флорищевой пустыни (1694), с 1698 г. до конца своих дней (1730) подвизался на московском Печатном дворе (преобразованном после 1727 г. в Синодальную типографию) в качестве справщика. В сохранившемся эпистолярном наследии Димитрия Ростовского письма к Феологу составляют большую часть. Первое из них датируется ноябрем 1697 г., последнее было написано Димитрием 27 октября 1709 г., за день до смерти. См.: Булачин Д. М., Федотова М. А. Феолог // Словарь книжников. СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 148—151; Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. М., 2005. С. 19—44.

²⁸ Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. С. 112 (письмо датировано серединой 1709 г.).

²⁹ Розыск. Л. 23 третьего счета.

³⁰ Там же. Л. 24—24 об.

лось обнаружить его в рукописи начала XVIII в.,³¹ благодаря чему мы можем убедиться, сколь исчерпывающе заимствует текст своего предшественника, на которого при этом добросовестно ссылается («От послания Иосифа священника <...>. Дозде послание Иосифово»), Димитрий Ростовский.³²

Как заметила еще Е. М. Юхименко, в рассказе попа Иосифа отразилась, по всей вероятности, память о так называемой «гари», случившейся 23 августа 1687 г. в обонежском селении Березов Наволок.³³ Обратим внимание на дату самосожжения: 1687 г. Поп Иосиф в 1708 г. с чужих слов рассказывает «быличку», связанную с событиями двадцатилетней давности; годом позже, в 1709 г., эту «быличку», полученную из вторых рук, повторяет автор «Розыска».

Димитрию Ростовскому пришлось заниматься старообрядчеством по должности. Но это занятие не относилось к магистральной линии его жизни. Он был писатель по преимуществу, и доминантой его деятельности, можно сказать, смыслом жизни было литературное творчество. Потому уже весной 1709 г., спустя три или четыре месяца после начала работы над «Розыском»,

³¹ Тем самым Е. М. Юхименко удалось открыть еще одну неизвестную страницу из ранней истории Выговской старообрядческой пустыни. Как установила исследовательница, поп Иосиф был первым священником церкви Петра и Павла, выстроенной в начале XVIII в. в рабочей слободе при олонечких Петровских железорудных заводах, к которым, как известно, с 1704 г. были приписаны выговские старообрядцы. Е. М. Юхименко обнаружила в рукописи начала XVIII в. из собрания Е. В. Барсова (РГБ) три послания священника Иосифа к выговским старообрядцам и ответ на одно из них, написанный выговцами, — документы, свидетельствующие о самом раннем миссионерском «увещевании» выговцев, о чем ранее не было известно. Полемика началась в 1706 г., закончилась в 1708 г. (первое, не дошедшее до нас, послание Иосифа было направлено к выговцам в сентябре 1706 г., последнее — в марте 1708 г.). Именно последнее послание попа Иосифа к выговцам и использовал в «Розыске» Димитрий Ростовский, получивший его, по всей вероятности, от своего друга и корреспондента митрополита Новгородского Иова, в епархию которого входило Обонежье и который по должности правящего архиерея, как и Димитрий, пекся об искоренении «раскола» на своей территории (см.: *Юхименко Е. М. Неизвестная страница полемики выговских старообрядцев с официальной церковью* : Предыстория «Поморских ответов» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 404—416).

³² Свои рассуждения о старообрядческих «чарованиях» поп Иосиф предвяет следующим рассказом из «Зерцала короны польской» о «чарованиях» «жидов» в Королевстве польском: за «великую цену» выпросили «жиды» у некой кормящей женщины «молока христианского»; вместо своего женщина дала им молока коровьего; поволхвовав над полученным молоком, «жиды» влили его в ухо повешенного злодея, после чего в королевстве был мор на крупный рогатый скот, — а мог бы быть на всех христиан, если бы женщина дала им своего молока. «Тако же вы, расколници <...> чарованиемъ, якоже и жиды, дѣйствуете <...> простыхъ человекъ прелшающе», — резюмирует поп Иосиф и переходит далее к рассказу о подсыпанных в воду жженных костях и самосожжении в Березове Наволоке. Автор «Розыска» использует этот фрагмент почти дословно, подкрепляя свое обличение «расколников» ссылкой на «Зерцало короны польской»: «Той священникъ Иосифъ, обличая расколщиковъ о чарованияхъ ихъ, приведе первѣе сотворшееся иногда отъ жидовъ въ Королевствѣ польскомъ дивное волшебное дѣло, выписанное изъ книги, глаголемой „Зерцало короны польския“, изъ артикула пятого...» (Розыск. Л. 23—23 об. третьего счета). Эта ссылка в «Розыске» корреспондирует с широко распространенной в позднесредневековой Европе легендой-«страшилкой» (восходящей, скорее всего, к сочинению, подобному «Великому зеркалу») об использовании евреями в магических целях сердец убиенных ими младенцев. По словам Димитрия, старообрядцы поступают так же в целях привлечения к себе единомышленников: «Добро ли есть дѣло, младенцу новорожденному изъяти сердце и изсушити е, истолчи на муку и всыпати отай въ ѣству и питие человекомъ, и в кладзи сыпати на очарование людское, и таковыми чародействы привлеكاتи людей къ своему еретическому единомыслию» (Розыск. Л. 35—35 об. третьего счета (Часть 3, гл. 20 «Разсуждение о дѣлѣхъ тѣхъ»)).

³³ *Юхименко Е. М. Неизвестная страница полемики Выговских старообрядцев... С. 415.*

он пишет иеромонаху Феологу, делясь с ним своими творческими замыслами: «Наскучило о расколе. Думаю о толковании Евангелия и Летописце...».³⁴

«Наскучило о расколе!» — можем ли мы представить такую фразу в устах протопопа Аввакума или одного из братьев Денисовых? А Дмитрий Ростовский, автор настольной книги всех миссионеров, пытавшихся вплоть до начала XX в. «искоренить раскол» в России, писал 20 октября 1709 г. своему украинскому корреспонденту Михаилу Григорьевичу Грохольскому при посылке ему первой части «Розыска»: «Его милости пану Михаилу Григорьевичу Божие благословение. Во знамение моего благодарствия за книжицу, от милости твоей дарственную мне, послах труда нашего художнаго часть первую, яже противу раскольников. Благоволи, милость твоя, малое сие от нас принять, и егда случится *лишнее время*, читай *вмѣсто рекреации*...».³⁵ Здесь сказаны ключевые для нас слова — «вместо рекреации». «Розыск» был для Ростовского архиепископа Дмитрия не более чем очередным, притом не самым любимым, литературным сочинением, трудиться над которым могло ему наскучить, которое, по его мнению, можно было читать ради отдыха и развлечения.

Закончим наш анализ одним сопоставлением — по оси координат, подсказанной самим Дмитрием. В его «Розыске», как известно, часто упоминается и яростно обличается протопоп Аввакум вместе с его писаниями, воспринимаемыми автором трактата как образец «мудрования» невежественного «мужика». Вот что пишет Дмитрий Ростовский о видении, ставшем ему известным из списков сочинений Аввакума, которыми он располагал при написании «Розыска»: «Не яль, де, я, — так передает автор прямую речь Аввакума, — въ Великий постъ 14 дней и видѣль себя велика: руки, и ноги, и зубы, и весь распространился по всему небеси. И по томъ, де, вмѣстилъ, де, Богъ въ меня небо, и землю, и всю тварь». «О, видѣння чуднаго, — восклицает с сарказмом по этому поводу Дмитрий, — о, изряднаго чудотворца! Небо и землю и всю тварь съѣль! Знатно выголодался гораздо! По 14 днехъ пощения своего толь ясти восхотѣ, яко не токмо камение, но и всю землю съ небом и со всею тварию изъяде. Какъ не просядеся чрево его! И дивно, что учениковъ своихъ не пояде! Мню же, яко души ихъ давно уже поглонуль и во адовъ отходъ испустиль».³⁷

Не составляет труда понять, какие слова протопопа Аввакума являются здесь объектом насмешки, — конечно, текст из так называемой Пятой челобитной царю Алексею Михайловичу, написанной Аввакумом в пустозерской тюрьме. Приведем его здесь для наглядности. «Послушай, державнѣ, побесѣдую ти, яко лицемъ к лицу. Нынешняго 177-го году в Великий постъ,

³⁴ См.: Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время. С. 446.

³⁵ Федотова М. А. Эпистолярное наследие Дмитрия Ростовского. С. 189.

³⁶ О «списках писем» Аввакума Дмитрий Ростовский упоминает многократно; во время работы над «Розыском» ему были предоставлены рукописи отдельных Аввакумовых сочинений, что ясно из подобных его реплик: «Недавним временем <...> внидоша в руке наши списки от писемъ славнаго раскольникаго учителя Аввакума, протопопа бывша, таже распленна и анафеме преданна...»; «Вспомняем же и еще от списковъ писемъ его нѣчто...»; «Что же именно в Евангелии своемъ той новый не Христовъ, но Сатанинь, евангелистъ написа, не вѣмы совершенно, понеже самыя тоя его книги еще не получихомъ» (Розыск. Л. 20, 31, 31 об. второго счета).

³⁷ Там же. Л. 31 об.—32 второго счета.

на первой недѣлѣ, по обычаю моему, хлѣба не ядохъ <...> в пяток же прежде часовъ начахъ келейное правило, псалмы Давыдовы, пѣти. Прииде на мя озноба зѣло люта; и на печи зубы мои разбило з дрожи <...>. И толико изнемогъ, яко отчаявшу ми ся и жизни сея <...>.

И лежащу ми на одрѣ моемъ и зазирающу себѣ, яко в таковыя великия дни правила не имѣю, но токмо по чоткамъ молитвы считаю.

И Божиимъ благоволениемъ в нощи вторыя недѣли <...> распространился языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики; потомъ и весь широкъ и пространенъ под небесемъ по всей земли распространился. А потомъ Богъ вмѣстилъ в меня небо, и землю, и всю тварь <...>.

Видиши ли, самодержавне? Ты владѣешь на свободѣ одною Русскою землею, а мнѣ Сынъ Божий покорилъ за темничное сидѣние и небо, и землю. Ты, от здѣшняго своего царства в вѣчный свой домъ пошедше, только возьмешь гробъ и саванъ, азъ же, присуждениемъ вашимъ, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будутъ и по землѣ влачimy. Такъ добро и любезно мнѣ на землѣ лежати и свѣтомъ одѣянну и небомъ покрыту быти; небо мое, земля моя, свѣтъ мой и вся тварь, — Богъ мнѣ даль...».³⁸

Нет нужды рассуждать здесь, чей текст «сильнее» и за кем стоит тут нравственная правота. Одно ясно: строки Димитрия представляют собой пародию на слова Аввакума, вдохновенного мистического смысла которых пародист не понял, не смог увидеть всей глубины веры, стоящей за ними. В этой изначально заданной невозможности разглядеть и понять своих оппонентов и коренилась главная причина обреченности на неудачу антистарообрядческого трактата Димитрия Ростовского в его исторической перспективе.

³⁸ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1. Стб. 763—764 (РИБ. Т. 39).